

Agatha Christie[®]
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie[®]

Агата
Кристи

Доколе длится свет

Москва
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie

WHILE THE LIGHT LASTS AND OTHER STORIES

AGATHA CHRISTIE Copyright © 2011,
Agatha Christie Limited. All rights reserved.
While the Light Lasts and Other Stories
was first published in 1997

Agatha Christie Limited is a registered trademark of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Кристи, Агата.

К82 Доколе длится свет / Агата Кристи ; [пер. с англ. С. Цветковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с. — (Агата Кристи. Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-99670-4

Под палящим африканским солнцем путешествуют ноборачные Джордж Кроузер и его жена Дайдра. Женщина приехала в Африку со своим избранником, чтобы найти хоть какие-то следы своего первого мужа, погибшего где-то здесь во время Первой мировой войны. Через все трудности и опасные обстоятельства этого путешествия Дайдру ведет лишь одна мысль: «Доколе длится свет, я не забуду»...

Этот сборник уникален тем, что в него вошли редкие и малоизвестные новеллы Агаты Кристи, а также оригинальные версии хорошо знакомых читателям рассказов. В нескольких рассказах сборника «Доколе длится свет» появляется великий Эркюль Пуаро.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Цветкова С., перевод на русский язык, 2011
© Оформление.

ISBN 978-5-699-99670-4 ООО «Издательство «Э», 2017

ДОМ ЕГО ГРЕЗ

Это рассказ о Джоне Сегрейве — о жизни его, которая не удалась, о любви, в которой он потерпел неудачу; о его снах и о смерти — и если в последних он обрел то, в чем обделен был первыми двумя, то и жизнь его в конечном счете, можно полагать, сложилась. Как знать?

Джон Сегрейв происходил из семьи, за последнее столетие постепенно пришедшей в упадок. Его предки со времен королевы Елизаветы владели землями, но позднее распродали все до последнего клочка своих владений. Было решено, что по крайней мере одному из отпрысков рода надлежит овладеть полезным мастерством добывания денег. И по иронии судьбы, ее слепому выбору суждено было пасть на Джона.

Нелепо, что этому юноше с на редкость чувственным ртом и удлинненными темно-синими глазами, придававшими ему облик какого-то лесного существа — эльфа или фавна, — нелепо, что именно ему довелось оказаться принесенным на

6 *Агата Кристи*

алтарь божества Финансов. Аромат земли, вкус морской соли на губах и открытое небо над головой — вот что было дорого Джону Сегрейву и с чем ему надлежало распрощаться.

В восемнадцать лет он в качестве молодого клерка поступил на работу в крупный торговый дом. Семь лет спустя он все еще пребывал клерком, хотя уже не таким молодым, но во всем остальном статус его нимало не изменился. Среди качеств, которыми наделила его природа, явно отсутствовало то, что принято называть желанием добиться места под солнцем. Он был усерден, пунктуален, трудолюбив — поистине клерк, и ничего более.

А ведь он мог бы стать... только кем? Джон и сам затруднился бы ответить на этот вопрос, но он не мог избавиться от ощущения, что где-то, в какой-то иной жизни он мог бы достичь многого. Он обладал живым умом, энергичностью — качества, которых напрочь были лишены его трудяги-сослуживцы. Те любили Джона. Он располагал к себе беспечным дружелюбием, и вряд ли кому приходило в голову, что на самом деле Джон равным отношением ко всем ограждал себя от более тесных контактов с кем-либо одним.

Греза родилась в нем внезапно. Это не было детской фантазией, возвращенной и развившейся с

годами. Она пришла однажды летней ночью или скорее даже утром, и он очнулся от нее ошеломленный, жадно пытаясь удержать при себе беглянку, неуловимо, как все сны, ускользавшую из его сознания.

Он отчаянно старался удержать ее. Ее нельзя было упустить — никак нельзя, — Джон должен был запомнить тот Дом. Конечно же, это был *тот* Дом! Дом, который он так хорошо знал. Существовал ли он в действительности или просто привиделся ему в мечтах? Джон не помнил, но он, безусловно, знал его, знал прекрасно.

Неясный, серый свет раннего утра украдкой вползал в комнату. Было поразительно тихо. Лондон, усталый Лондон в половине пятого утра вкушал краткие мгновения покоя.

Джон Сегрейв лежал тихо, окутанный радостью, чудесным очарованием и прелестью своего сна. Как он изловчился запомнить его? Обычно сны улетучивались так быстро, проносились мимо, пока пробуждающееся сознание пыталось ухватить и задержать их неловкими пальцами. Но тут он успел! Он поймал этот сон в самый миг, когда тот был готов упорхнуть.

И в самом деле, сон был замечательный! В нем был Дом и... тут мысли его пришли в смятение, поскольку, едва задумавшись о сне, он понял, что

8 *Агата Кристи*

не может вспомнить ничего, кроме этого Дома. Неожиданно, испытав даже легкое разочарование, он осознал, что Дом, в сущности, был ему совсем незнаком. Прежде он не являлся Джону даже в мечтах.

Дом был белый и стоял на возвышенном месте. Кругом росли деревья, голубые холмы виднелись вдалеке, но не окружение придавало Дому его особенное очарование, поскольку (и это составляло кульминацию, самую суть сна) Дом был прекрасен, странно и чуждо прекрасен сам по себе. Сердце Джона забилося чаще, когда он постарался заново воссоздать в памяти небывалую красоту того Дома.

Только наружную, разумеется, потому что он не был внутри. Об этом тогда не шло и не могло идти речи.

Позже, когда в разгоравшемся свете утра стали различимы сумрачные очертания его спальни-гостиной, настала пора пробудиться от чар. В конце концов, его сон, вероятно, не был так уж чудесен — или, может, все самое чудное, все значимое в нем все-таки скрылось от Джона, подшутив над цепкой хваткой его сознания? Белый дом, стоящий на возвышенности, — было бы от чего приходиться в восторг, верно? Дом, как вспомнилось ему, был довольно большим, с множеством окон, и все

шторы в них опущены — не оттого, что в нем не было людей, нет, но лишь потому (он был уверен в этом), что его обитатели еще не проснулись.

Джон рассмеялся над своими нелепыми фантазиями и вспомнил, что нынче вечером ужинает с мистером Веттерманом.

Мейзи Веттерман была единственной дочерью Рудольфа Веттермана и давно привыкла непременно получать то, чего желала. Явившись однажды с визитом в контору папы, она заметила Джона Сегрейва. Он принес тогда какие-то письма, которые понадобились ее отцу. Когда Джон вышел, она справилась о нем. Веттерман с готовностью рассказал:

— Один из сыновей сэра Эдварда Сегрейва. Старое доброе семейство, но сейчас едва сводят концы с концами. Этот парень никогда не повернет Темзу вспять. Конечно, он мне нравится, но из него ничего не выйдет. Никакой напористости.

Видимо, напористость была Мейзи безразлична. Это качество более ценилось ее родителем, нежели ею самой. Так или иначе, пару недель спустя она настояла на том, чтобы отец пригласил Джона Сегрейва к ним на ужин. Ужин должен был состояться в узком кругу — она с отцом, Джон Сегрейв и одна подруга, приехавшая к ней погостить.

Подруга не преминула отпустить по этому поводу несколько замечаний:

— Хочешь снять пробу, а, Мейзи? А потом папуля велит его упаковать и принесет домой из Сити своей дорогой дочурке в подарок — оплаченный и купленный уже по всем правилам.

— Аллегра! Это уже слишком!

Аллегра Керр рассмеялась:

— Ты привыкла удовлетворять свои прихоти, Мейзи, сама знаешь. Мне нравится эта шляпка, говоришь ты, она должна у меня быть! Если со шляпками так, то почему бы не с мужьями?

— Не говори чепухи. Я с ним еще и двух слов не сказала.

— Да. Но уже все решила, — заметила та. — Что тебя так пленило, Мейзи?

— Не знаю, — медленно протянула Мейзи Веттерман. — Он... он не такой, как все.

— Не такой? Как все?

— Да. Не могу тебе объяснить. Он по-своему красив, хотя дело даже не в этом. У него такой взгляд, будто он и не видит тебя. Честно сказать, я не поручусь, что он хотя бы раз взглянул на меня тогда у папы в конторе.

Аллегра усмехнулась:

— Старый трюк. Притворяется скромником.

— Аллегра, какая ты противная, в самом деле!

— Не расстраивайся, милая. Папа непременно купит курчавого барашка своей маленькой Мейзи.

— Я не хочу, чтобы все было так.

— Значит, любовь с большой буквы. Так тебе хочется?

— Разве он не может в меня влюбиться?

— Разумеется, может. Надеюсь, он так и сделает.

Аллегра улыбнулась, окидывая взглядом подругу. Мейзи Веттерман была невысокой, слегка склонной к полноте, с темными, хорошо подстриженными и искусно завитыми волосами. И без того от природы свежие краски ее лица были подчеркнуты наимоднейшими оттенками пудры и губной помады. Хорошенький белозубый ротик, темные глаза — небольшие и с огоньком, — нижняя часть лица и подбородок несколько тяжеловаты. Одетая она была изящно.

— Да, — промолвила Аллегра, завершая свой осмотр. — Я просто в этом уверена. Ты и впрямь очень эффектно выглядишь, Мейзи.

Подруга взглянула на нее с недоверием.

— Seriously, — подтвердила Аллегра, — честное слово! Но давай предположим — просто ради интереса, — предположим, что он этого не делает. В смысле — не влюбится. Допустим, его привязанность будет искренней, но — платонической. Что тогда?

12 *Агата Кристи*

— Может, он мне вообще не понравится, когда я узнаю его лучше.

— Пожалуй. Но, с другой стороны, он ведь может и очень сильно понравиться тебе. А в таком случае...

Мейзи пожала плечами:

— Смею надеяться, у меня достаточно гордости...

— Гордость пригодна лишь на то, чтобы скрывать свои чувства, — прервала ее Аллегра, — но она не поможет тебе избавиться от них.

— Ну, тогда... — Мейзи вспыхнула. — Не понимаю, почему, в конце-то концов, не сказать об этом прямо. Я действительно очень хорошая партия. Я хочу сказать — с его точки зрения, дочь его начальника и вообще.

— Перспектива участия в делах фирмы и тому подобное, — живо подхватила Аллегра. — Да, Мейзи. Ты поистине дочь своего отца, все правильно. Я ужасно рада. Люблю, когда мои друзья сознают, кто они есть.

Едва уловимая насмешка в ее тоне привела Мейзи в замешательство.

— Ты невыносима, Аллегра.

— Но полезна для стимула, милая. Для этого я тебе и нужна здесь. Ты же знаешь, я изучаю историю, и мне всегда было любопытно, почему при-

дворному шуту так охотно все позволяли. Теперь, когда мне самой довелось им стать, я вижу, в чем дело. Не такая уж плохая роль, скажу тебе, — надо же было мне к чему-то себя приспособить. Чем я была? Гордая и без гроша, как героиня романчика, из хорошей семьи и без путного образования. *«Что тебе делать, девица? — Бог весть, — был ответ»*. Этакая бедная родственница, готовая обходиться без камина в своей комнатухе и охотно берущаяся за всякую случайную работу и поручения типа «помоги-ка кухне такой-то, милочка». Такие никому, в сущности, не нужны, разве что тем, кому не по средствам держать прислугу, и такие люди обращаются с ними как с рабами. Вот я и заделалась придворным дурачком. Можно дерзить, говорить без обиняков, слегка острить время от времени (но не слишком часто, не то будешь вынуждена продолжать в том же духе), а тем временем проницательно наблюдать человеческую природу. Людям даже нравится, когда им говорят, как ужасны они на самом деле. Именно поэтому они толпами приходят послушать популярных проповедников. И затея удалась на славу. Я всегда завалена приглашениями. Я с величайшим удобством живу за счет моих друзей и при этом могу себе позволить роскошь никого не благодарить.

— Ты неподражаема, Аллегра. Ты нимало не задумываешься над тем, что говоришь.

— Вот тут ты ошибаешься. Я очень даже задумываюсь — внимательно и серьезно по каждому поводу. Моя кажущаяся откровенность всегда рассчитана заранее. Мне приходится быть очень осторожной. Это занятие еще должно послужить мне до старости лет.

— Отчего бы не выйти замуж? Я же знаю, что масса мужчин добивались тебя.

Лицо Аллегры внезапно сделалось суровым.

— Я никогда не смогу выйти замуж.

— Из-за того, что... — Мейзи не закончила фразы, глядя на подругу.

Та коротко кивнула.

На лестнице послышались шаги. Лакей распахнул двери и доложил:

— Мистер Сегрейв.

Джон вошел, не испытывая особого энтузиазма. Он представить себе не мог, зачем старику понадобилось звать его. Если бы Джон мог отделаться от этого приглашения, он так бы и поступил. Дом подавлял его своим тяжелым великолепием и нежным ворсом ковра.

Ему навстречу вышла девушка и протянула руку для рукопожатия. Джон смутно припомнил, что видел ее однажды в конторе ее отца.

— Как поживаете, мистер Сегрейв? Мистер Сегрейв — мисс Керр.

Вот тут для него настало пробуждение. Кто она? Откуда она явилась? Вся она — от струящихся драпировок платья, окрашенных бликом огня, до крошечных крылышек Меркурия на маленькой греческой голове — казалась существом летучим и эфемерным, словно видение, застывшее среди вмиг потускневшего убранства.

Вошел Рудольф Веттерман, поскрипывая на ходу ослепительным крахмальным пластроном внушительных размеров. Без лишних церемоний они приступили к ужину.

Аллегра Керр завела разговор с хозяином дома. Джон Сегрейв был вынужден посвятить свое внимание Мейзи. Но все его мысли были заняты девушкой, сидевшей по другую от него сторону стола. Она производила восхитительное впечатление. Хотя, как он про себя заметил, оно создавалось скорее умышленно, нежели возникало само по себе. Но внутри, за всем этим, скрывалось что-то еще. Трепещущий язычок пламени — мерцающий, непостоянный, словно блуждающий огонь из сказки, который, бывало, заманивал в трясину смельчаков.

В конце концов ему представилась возможность заговорить с ней. Мейзи передавала отцу